

34.108.5.80.

Проф. В. В. СВЯТЛОВСКИЙ

**КОММУНИСТИЧЕСКОЕ
ГОСУДАРСТВО
ИЕЗУИТОВ в ПАРАГВАЕ
в XVII и XVIII ст.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПУТЬ К ЗНАНИЮ“
ПЕТРОГРАД — 1924

Глава I

ИСТОРИЯ И УСТРОЙСТВО ПАРАГВАЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

I. ГУАРАНИ И КОНКВИСТА ЭСПИРИТУАЛЬ

Географическое положение коммунистического государства Парагвай соответствует идеалам утопии: оно изолировано от соседей и может жить особой жизнью без связи с окружающими народами. Это, как известно, всегда был основной прием утопии. Мечтатели, желавшие создать человечеству новый социальный строй, демонстрировали картину его устройства одним приемом — они помещали свое государство будущего в неведомой, недоступной стране, частью на изолированном океаном острове, где жизнь развивается самостоятельно вне связи с окружающими народами. Таковы «Атлантида» Платона, «Утопия» Томаса Мора, «Базилиада» Морелли, «История севарамбов» Веррасса и целый ряд других утопий до и после Кампанеллы и парагвайского эксперимента.

Парагвай — плодороден, но изолирован, как Швейцария, без выхода к морю и, к тому же, почти неприступен, так как грандиозные пороги рек, являющихся единственным удобным путем в обширную страну, делают вход и водный путь в нее крайне затруднительным¹⁾.

¹⁾ Ср. Karl Garnier. Paraguay. Пена, 1911. Здесь же литература: Bodenberger. Die Pampa in Westen der Sierra von Cor-

В начале XVII века отцы-иезуиты энергично взялись за дело обращения южно-американских туземцев в католичество. Это было не легкое дело, так как бродячие племена, в большинстве случаев каннибалы, не знали еще ни домашних животных, ни железных орудий. Рассматривая упавшего в битве врага, как пищу, они даже искусственно откармливали своих женщин для еды в подходящее время. Вот этих-то кочующих охотников и рыболовов надо было сделать оседлыми земледельцами.

Племя гуарани состояло из бесчисленного множества мелких кланов, рассеянных по всему обширному пространству. Многие кланы жили в деревнях, расположенных на краю лесов и по берегам рек. Их члены добывали себе пропитание охотой и рыбной ловлей, собиранием меда диких пчел, встречавшихся в лесах в изобилии, и первобытным земледелием. Они сеяли маниоку, из которой приготавливали кассаву, возделывали маис и собирали жатву дважды в год, как уверяет Шарлевуа; разводили кур, гусей, уток, попугаев, свиней и собак. Оружием им служила трехгранная палица, по названию макана, и лук, который вследствие его шестифутовой длины и громадной упругости дерева, из которого он был сделан, приходилось натягивать, втыкая один конец в землю. Они с большой силой метали четырехфутовые дротики и «бодогги» — глиняные шарики, величиною с орех, которые они обжигали на огне и носили в сетке. На расстоянии тридцати метров они разбивали таким шариком человеческую кость и убивали птиц налету¹⁾.

doba. Petermanns Mittheil. Gotha. 1879. См. также Desoud, H. Geographie de la republique del Paraguay, Assuncion. 1906. Fischer-Treuenfeld. Paraguay im Wort und Bild. Berlin. 1906 и др.

¹⁾ П. Лафарг. «Поселения иезуитов в Парагвае» в монографиях «История социализма», т. II, рус. пер., 4 изд. СПб. 1909 г. Стр. 263 и след.

Миссионерская работа среди такого народа требовала сильной воли, героизма, находчивости, редчайшего самоотвержения. Основною политикою было завоевание душ, духовная охота, «конквиста эспиритуаль» (*conquista espiritual*), которую впервые и ранее иезуитов, а именно в 1520 г., ввел в систему в Новом Свете знаменитый доминиканец Лас-Казас и которая легла в основу гуманного испанского законодательства об индейцах (середина XVI в.). Эту систему иезуиты осуществляли как среди племен гуарани, живших по течениям рек Параны и Уругвая, так и среди других южно-американских народностей. В возможности их цивилизовать в ту эпоху вообще сильно сомневались. Поль Лафарг рассказывает, что епископ Ортес утверждал пред испанским двором, что индейцы «глупые создания, неспособные понять христианское учение и следовать его предписаниям».

Папа Павел III под влиянием Лас-Казаса разбирал на Римском соборе 1538 года спорный по тогдашнему времени вопрос: «люди ли индейцы или нет?» Иезуиты решили этот вопрос в положительную сторону и явились в Южную Америку как раз в период, когда «охота за краснокожими» была в полном расцвете. Проповедуемое ими новое направление, вместо физического насилия и террора — духовное завоевание, знаменитая «конквиста эспиритуаль», шло совершенно вразрез с интересами белого населения в этих колониях. Естественно, что борьба из-за индейцев между иезуитами и колонистами велась в течение XVII века с большим ожесточением. Гнездом охоты за индейцами, продаваемыми в рабство, были колонисты штата Святого Павла или «паулисты», которые не прекращали своих «похвальных» занятий, несмотря на прямое запрещение испанского короля и его наместника в Парагвае (Франциско Альвара в 1612 году). Борясь с защитниками рабов, пау-

листы не только изгнали (в 1640 году) из своих пределов иезуитов, но часто вторгались вооруженные на территорию иезуитских миссий, уводя индейцев-христиан для продажи в рабство. В первые годы XVII столетия в ведении иезуитского ордена находились индейцы районов рек Ла-Платы и Параны, которых они группировали в миссионерские округа («доктрины»), в пуэбло, куда индейцы бывали вынуждены укрываться от нападений португальцев и колонистов штата Сан-Паоло.

Еще в 1610 году отцы-иезуиты, Симон Мацета и Кальдино, создали первую «редукцию», первый индейский городок в Парагвае — *Nuestra Señora de Loreto*, — из туземцев племени гуарани. Спустя 10 лет, т. е. к началу двадцатых годов XVII столетия, под их опекою находились уже тринадцать больших поселений со ста или несколько более тысячами краснокожих христиан. Затем иезуиты начали проникать в плодородную страну между Уругваем и Парагваем, но здесь они столкнулись с паулистами. Кровавые набеги и тяжелое разорение редукций заставили иезуитов переселить свою паству в новые места, в долины реки Параны. Руководитель переселения, отец Монтоха (Монтеха), героически повел через громадную бездорожную страну около 12.000 католиков гуарани. 1.200 верст ужасного пути стали могилою для трех четвертей эмигрантов, но и в новых местах редукции не спаслись от набегов. Пришлось выхлопотать от мадридского правительства право вооружить краснокожих-христиан ружьями, дать им военную организацию и создать свою собственную армию. С 1639 года иезуиты уже военною силою защищали свои редукции от набегов: с армией парагвайских миссий начали считаться, но все же былая идея расширения территории до Атлантического океана и надежда на создание обширного «государства» были оставлены. Государство

иезуитов не вышло из пределов равнин среднего течения рек Параны и Уругвая. В этой стране, занимавшей около 200 тыс. квадр километров, находилось около 30 городов с 100—150 тысячами жителей. Помбаль называет это государство «республикою», а незадолго перед тем иезуитов обвиняли в стремлении организовать совершенно независимое от испанского престола государство.

В 1645 году те же Мадета и Катаальдино выхлопывают от короля Филиппа III привилегию для Общества Иисуса и для обращаемых ими в католичество туземцев, сводящуюся к невмешательству светской власти в их колониальные дела. С этого времени можно считать иезуитское государство окончательно укрепившимся. Оно представляло собою вполне самостоятельное политическое целое, хотя и находившееся номинально под светскою властью испанского короля. Отныне начался второй период истории иезуитского государства, определенный и однообразный.

В 1691 году тиролоц о. Антонио Сепп посетил это государство и дал его описание, которое в 1757 году было опубликовано по-французски, а несколько позднее (1768 г.) по-немецки, как приложение к трехтомной книге Шарлевуа по истории Парагвая¹⁾.

III. РАССКАЗ о. СЕППА (1691)

Вот как описывает Сепп свое путешествие в государство иезуитов, куда в то время попасть можно было только трудным водным путем по порожистым течениям Параны и Уругвая на мелко сидящих и разбирающихся плотах.

«В заливе, — рассказывает Сепп, — стоят двенадцать лодок; на каждой из них находится маленькая хижина,

в которой могут поместиться два-три человека. Отцы могут здесь спокойно молиться, читать, писать, заниматься наукой, как в коллегии, потому что 300 индейских гребцов, которых они взяли с собой, не шутят, не поют, не кричат и не говорят. Молчаливые, как могила, они на веслах ведут вверх маленькую флотилию через безмолвный девственный лес, который тянется по обоим берегам величественной реки. Проходит неделя, две, четыре, — не видно ни малейшего признака человеческого жилья. Наконец как будто прекращается и самый водный путь. Бешеные пороги («Salta oriental») заставляют отцов выйти на берег и делать, таща с собой лодки, мучительный обход, чтобы добраться до верховьев порогов. Но в то же время эти пороги образуют барьер, замыкающий с юга государство иезуитов». Вскоре, вечером 1-го июня 1691 г., путешественники заметили на левой стороне поселения, расположенное на возвышенности и хорошо защищенное стенами и рвом. Это редукция Япейю, самый южный город иезуитского государства и в это время резиденция его губернатора — «великого отца». «Когда утром 2-го июня отцы уже готовились сойти на берег, внезапно раздался страшный шум и грохот, как будто от угрожающего нападения неприятелей. По реке подвигаются два фрегата. Они симулируют морскую битву, непрерывно обмениваясь пушечными выстрелами. В то же время на берегу вступают в сражение два эскадрона кавалерии и две роты пехоты с таким воинственным пылом, что изумленные зрители не могут поверить своим глазам и ушам». «Блестят мушкеты, бьют барабаны, звучат рожки, флейты и тромпеты», и среди всего этого все громче раздается дикий воинственный клич индейцев, которые устремляются со всех сторон, как бы вырастая из-под земли, чтобы встретить вновь прибывших, согласно индейскому обычаю. Наконец, несмотря на этот

¹⁾ Charlevoix, Xavier. Histoire du Paraguay. Paris, 1757, т. III.

адский шум, отцы беспрепятственно сходят на берег. Их немедленно ведут в церковь под эскортом нескольких тысяч индейцев, под радостный колокольный звон, через ряды обвитых зеленью триумфальных арок. Здесь их ждет после долгого пути через девственный лес вдвойне привлекательная картина: огромная площадь, осененная зеленью прекрасных пальм, окружена со всех сторон крытыми галереями, за которыми возвышаются великолепные здания из камня и дерева.

Одна сторона этого четырехугольного пространства вся занята огромной площадью, к которой примыкает иезуитская коллегия. Возле коллегии находятся обширные фабрики общины, магазины, арсенал, тюрьма, прядильная мастерская для старых женщин и для тех, которые совершили какой-нибудь проступок, аптека и больница. Напротив жилище и канцелярия корректора, местного начальника из туземцев, помощника руководителя-иезуита. Далее идут квадратные жилища туземцев, большую часть простые однокомнатные хижины из земли и кирпича. В них не привлекательно. Здесь теснятся отец, мать, сестры, братья, дети, внуки, вместе с собаками, кошками, мышами, крысами и т. д. «Здесь кишат тысячи сверчков и черных тараканов». Новичку, по свидетельству Сеппа, скоро становится дурно от невыносимого смрада этих хижин. С гораздо большим удовольствием он посещает сады отцов, которые полны овощей, цветов, кустов, виноградной лозы, а также кладбище, украшенное пальмами, апельсиновыми и лимонными деревьями.

«Отсюда посетитель выходит через одни из четырех ворот города на общественные поля редукции. Здесь он находит прежде всего гостиницу «Ramada» и разного рода промышленные заведения: кирпичные заводы, печи для обжигания извести, красильни, колокольно-литейные за-

воды, мельницы, приводимые в движение людьми и лошадьми. Немного далее он встречает прекрасно содержимые сады. Они образуют первую зону обрабатываемой земли. Далее идут обширные поля риса, табака, пшеницы, бобов и гороха в перемежку с плантациями чая, хлопка и сахарного тростника. Все эти поля содержатся в великолепном порядке. Только некоторые участки представляют весьма печальный вид: это земли, предоставленные в индивидуальное пользование туземцам. Выйдя за пределы полевых угодий, мы находим альменду редукции — беспредельную тишь прерий и зарослей. Здесь пасутся 500 тысяч голов рогатого скота, 40 тыс. овец, до 1 тыс. лошадей и ослов редукции Япейю. Вдалеке, на горизонте, кое-где виднеются хижины пастухов, охраняющих стада редукции».

Таков же внешний вид и всех других, устроенных иезуитами редукций на территориях рек Параны и Уругвая.

III. ПОРЯДОК ЖИЗНИ И УСТРОЙСТВО РЕДУКЦИЙ

Посмотрим теперь, как жили в этих поселениях и как они управлялись.

Внутренняя структура населения редукций слагалась из двух классов — из руководителей, «отцов»-иезуитов, деспотических властителей страны, и из руководимых — краснокожих туземцев. Первых — маленькая горсть — от ста до полутора человек неограниченных правителей, так как власть испанского короля была чисто номинальной; вторых — от ста до двухсот тысяч, принадлежавших к одной и той же этнической группе, к племенам гуарани.

Иезуиты захватили власть в Парагвае не путем заговора или насилия, — хотя изредка и это оружие они пускали в ход, — а путем совершенно новым — путем «завоевания духовного», «охоты за душой», «конквиста аспиритuality», т. е. убеждением и воздействием.

Такой способ, трудный и необычный, мог иметь успех только в опытных руках людей недюжинных и духовно сильных.

Как известно, общая линия поведения отцов-иезуитов была очень вдумчивой, осторожной и в целом либеральной. Иезуиты талантливо приспосаблились к местному населению, изучали его особенности, нравы и обычаи. Здесь, например, они создали грамматику гуаранского языка, строили крепости против испанцев и вели борьбу против крепостного права, превращавшегося для индейцев в темное и жестокое рабство. С отцами-иезуитами для гуарани пришло освобождение и милосердие, внимание к нуждам и облегчение феодального ига. Само собою понятно, что при этих условиях они являлись желанными для туземцев. К тому же последние состояли из групп более склонных к культуре и воздействию. Среди южно-американских племен попадались и такие, как, например, племена имбаи, воинственные и свирепые людоеды, которые никогда и никому не поддавались. Гуарани, наоборот, были иные, податливые и уступчивые.

Решительный переход к новому строю начался в сороковых годах XVII столетия, современи появления во главе парагвайских миссий «провинциала» Диего Торреса и затем отца Монтохи, удивительной личности и фактического парагвайского социального диктатора, о котором уже говорилось. Социальная революция в Парагвае произошла тихо и незаметно. Внедрение основ нового коммунистического строя завершилось к концу второй половины XVII столетия. Государство создавалось для организации правильной религиозной жизни верующих в духе первых христиан. Цель его была — спасение души, средства — коммунистическое хозяйство, имущественное равенство. Такой порядок требовал в свою очередь изоляции края от внешних влия-

ний и вмешательства, т. е. изолированности политической, духовной и экономической. Это и достигалось рядом последовательных и решительных мер.

Свои политические независимые владения иезуиты разделили на 31 округ или «доктрины».

Каждая колония или «редукция» управлялась особыми лицами — членами ордена, «отцами», в помощь которым избирались лучшие туземцы — «коррехидоры», действовавшие по указаниям патеров. В каждой редукции были два главных патера — один руководитель-администратор, другой — духовник-исповедник. Они управляли, стараясь не сталкиваться в обыденной жизни с своею паствою, держась от нее далеко. Они строжайше должны были чуждаться индейских женщин, а исповедники вообще только в редких случаях показывались народу. С населением сносились преимущественно через коррехидоров. Во главе всей сети колоний и, тем самым, всего иезуитского государства стоял Кордовский провинциал и четыре его советника.

Число членов ордена, занятых в Парагвае, было не велико, не более ста-двадцати на все тридцать колоний или округа.

По этому одному можно судить о той мощной и необычайной энергии, которую должны были проявлять эти социальные реформаторы и руководители. Работа их была колоссальна. И действительно, в руках иезуитов сосредоточивалась вся полнота власти как светской, так и духовной. Исповедники и администраторы, пропагандисты и руководители, они имели в своих руках все виды оружия, все виды воздействия и духовника, и правителя, и судьи, и даже военачальника. К тому же в большинстве случаев, как видно из их сохранившихся биографий, перед нами люди незаурядные, а некоторые, как Диего Торрес или, особенно, Монтоха, исключительно выдающиеся.

Первым актом Диего Торреса было получение от короля привилегии на организацию в Парагвае колоний, поселков, редуций, без всякого участия, вмешательства и даже проживания в них испанцев. Конечно, по мере роста редуций и их хозяйственного успеха, ненависть и зависть соседей испанцев и португальцев все возрастали. Неприязненность, клевета, а иногда открытая вражда ряд лет составляли содержание соседских отношений. Иезуитов обвиняли в сокрытии золотых россыпей, в эксплуатации туземцев и пр. Испанцы просто мечтали вернуть туземцев к крепостной зависимости и т. д.

Целый поток доносов и жалоб, инсинуаций и клеветы постоянно изливался на головы руководителей коммунистическим государством в Парагвае. В итоге — бесконечный ряд расследований и следствий со стороны папского престола, генерала ордена и всяких светских заокеанских властей. Ряд поколений метрополия ревниво следила за этой колонией.

Между тем жизнь туземцев протекала по определенному руслу. Отцы-иезуиты бесконтрольно и безответственно управляли жителями, число которых было около ста тысяч человек, а в лучшие годы государства, т. е. в период с 1718 по 1732 г., доходило до 150 и более тысяч человек. Гуарани жили в небольших поселках-городках, вмещавших от двух с половиною до семи тысяч жителей каждый. Поселки были укреплены и изолированы. Деревень или хуторов в Парагвае не было. А между тем край был богат и обилен. Урожай риса собирался дважды, пшеницы тоже. Плоды и мед были в изобилии. Озера и реки кишели рыбой, леса — оленями, козами, кабанями, дикими лошадьми и рогатым скотом. В 1730 г. в Буэнос-Айресе за 2 иголки можно было выменять лошадь или быка. Перепелки и рябчики водились в таком изобилии, что их убивали палками.

Необычайное природное богатство увеличивалось еще трудолюбием индейцев, в итоге богатство и обилие.

Вся жизнь туземцев в городках была строго регулирована. В основе строя лежало отрицание права частной собственности, частной торговли и инициативы. Деньги, денежный оборот и всякая торговля воспрещались и фактически отсутствовали. Каждый был обязан трудиться по указаниям и в предписанное время.

Все имущество страны было объявлено божьим, собственностью бога — Тупамбак; на все было наложено своего рода новозеландское табу. Ничто в стране не могло ни отчуждаться, ни приобретаться, ни обмениваться, ни завещаться. Все жители объявлялись имущественно равными, и всякие излишки отбирались «в общий котел».

Избытки общего труда, а их было не мало, поступали во владение государственной власти, которая одна вела иноземную экспортную торговлю. Эта торговля, значительная и прибыльная, давала ежегодно отцам-иезуитам в пользу ордена до 2 миллионов франков, — почтенная рента по тогдашнему времени.

Отцы-иезуиты энергично торговали, но вне своей страны.

Главнейшими пунктами экспорта были портовые города Буэнос-Айрес и Санта-Фе. Так как при внешних сношениях туземцы могли бы подвергнуться пагубному, по мнению отцов-иезуитов, влиянию соседей, в частности испанцев, то не только для торговли, но и вообще выезд за границу, как и доступ в страну, были совершенно затруднены, а без согласия и разрешения отцов-иезуитов даже и невозможны. Переезд из округа в округ без особого разрешения тоже не допускался. Если туземцам приходилось ехать с товарами в Буэнос-Айрес или Санта-Фе, то их всегда сопровождал патер, зорко следивший за ними и не

пропускавший случая тут же отметить спутникам выгоды коммунистической христианской жизни перед нечистой испанской. Патеры, в сопровождении группы одинаково одетых гуарани, были хорошо известными фигурами Буэнос-Айреса. Они и здесь не упускали случая для назидательных разговоров и наставлений. Испанцы изображались патерами как орудия дьявола. В каждом из белых колонистов, по уверению отцов, сидел злой дух, стремившийся только к золотому тельцу, — верная аллегория, часто понимавшаяся наивными туземцами в буквальном смысле слова.

Все население исповедывало христианскую религию, тезисы и обряды которой ставились во главу угла. Но католицизм не мешал процветанию суеверий, которые поддерживались иезуитами. Впрочем, формально христианство исповедывалось в самой строгой форме, с точным соблюдением всей обрядовой стороны. Внешнее благолепие ставилось при этом на первый план. Даже свидетельства о крещении торжественно изготовлялись в Риме. Папа ревностно почитался главою церкви, наместником Христа на земле, а отцы-иезуиты — посредниками между богом и индейским населением.

Религии и богослужению отводилось в Парагвае очень много места. Присутствие при богослужении было для всех обязательно. Все население неукошительно посещало все службы, молилось, исповедывалось, причащалось установленное число раз и принимало деятельное участие в церковных церемониях и пении. Это, естественно, вело к беспрекословному повиновению священникам и их управлению не только поведением, но и помыслами всей паствы. Отсюда один шаг к системе аскетических упражнений и к религиозному фанатизму, которые особенно усиленно поддерживались.

В этом смысле мы видим полнейшее осуществление теократического идеала Кампанеллы.

Итак, церковь, ее нужды, жизнь и вопросы занимали первенствующее место; это давало определенное направление и содержание духовной жизни гуарани, создавая своеобразную религиозную общину. Церковная архитектура, — как видно из сохранившихся гравюр и из описаний д'Орбини (1830 г.), — представляла собою единственную внешнюю роскошь, музыка, хоры и даже танцы при богослужении — главнейшее развлечение. Церковные интересы и религиозное настроение наполняли душу гуарани. Мечты о христианских добродетелях были высшим проявлением духа, что поддерживалось участием в духовных братствах.

Благолепие богослужения и внешняя обрядность занимали все время. Церковь своею внешностью тоже способствовала повышению духовного интереса. Церкви строились из камня, красивой и прочной архитектуры, с солидными украшениями. Стены со слюдой, резьбой и инкрустацией, алтари, украшенные золотом и серебром. На развитие музыкальной и вокальной части религиозных церемоний обращалось особое внимание.

Положительные и отрицательные стороны такого массового воздействия и воспитания были налицо: нравы несомненно становились мягче, поведение скромнее, но лицемерие и ханжество естественно свалили себе здесь прочное гнездо. Вопрос о направлении духовной культуры, таким образом, разрешался просто.

Население было очень однородно: туземцы или метизированные туземцы нескольких родственных племен и руководители — отцы-иезуиты: никакие иные европейцы или власти иного порядка или типа в редукции не допускались. Следовательно никакого духовного восстания, оппозиции и противодействия не могло быть. Не могло быть и борьбы

за индивидуализм, — этой полярности и разлагающей силы против коммунизма.

Посмотрим теперь, в каких материальных условиях находилось и жило все население парагвайских редукций.

Центром внимания было насаждение евангельских добродетелей: равенства, послушания, скромности и бедности. Отсюда — один шаг к идее общности имущества первых христиан, легко под влиянием утопии нового времени превращавшейся в коммунизм.

Вся однородная масса населения находилась на иждивении и попечении государства и жила в совершенно одинаковых условиях. Порядок жизни и существования устанавливался как для каждого дня, так и для всего течения жизни. Священники появлялись под величавую музыку, при фимбаме и пении, во всем блеске великолепных одежд. Все было строго и заранее регламентировано на основах коллективного пользования, принудительного труда и поголовного имущественного равенства. В итоге не было ни бедности, ни богатства, ни нищеты, ни роскоши, т. е. не было обычных социальных бедствий, раздражающих индивидуалистический строй. Зато налицо были и однообразие и казарменная монотонность жизни. Внутреннее содержание жизни парагвайцев давала церковь, ее служба и обряды, а это не могло всего заполнить, даже у гуарани; поэтому жизнь парагвайских коммунистов была бедна другими внешними впечатлениями. Театра или иных общественных развлечений не полагалось. Танцы не поощрялись, редукции — небольшие городки — были очень монотонны, трафаретны. Общественной роскоши никакой. В этом смысле описание красот города Солнца с его уличной хрестоматией на стенах выгодно оттеняет серую скуку парагвайских поселений. Здесь, в противоположность фантазии Кампанеллы, кроме церквей, магазинов и мастерских, да кое-где

кирпичных заводов — никаких общественных учреждений и общедоступных зданий не было. Все частные хижинки были крайне однообразны, бедны и неудобны. Они строились плохо и из плохого материала. Жилищный вопрос стоял здесь, несомненно, на первой очереди. Вообще скудость и бедность внешней обстановки этих крохотных и тесных городков была удручающей. Только субтропическая природа за селениями несколько смягчала скуку редукций. За изгородью из колючих кактусов тянулись рисовые и тростниковые поля, хлопковые и чайные плантации, целые апельсиновые рощи. Рогатый скот разводился в большом количестве, но надзор за неистреблением его отнимал много времени у патеров, так как туземцы весьма охотно тайно истребляли скот, быстро пожирая мясо убитых ими животных.

Точно так же преследовалось пьянство. Борьба с ним велась особенно энергично. За пьянство давались наказания. Вообще к наказаниям прибегали.

Случалось, напр., что туземцы являлись к патеру с заявлением, что бык сбежал или зарезан ягуаром. В действительности животное съедлось туземцами, что скрыть было трудно. Заявление о пропаже делалось с чистосердечным, наивным видом, не без огорчения о случившемся. Патеры отлично знали цену таких заявлений, назначали положенное число ударов и делали соответствующие внушения.

Законов писанных не было. За проступки следовали наказания. Вообще же skala уголовных и иных наказаний была несложна. За отсутствием свода законов, — юриспруденция у этих коммунистов была не в фаворе, — все сводилось к правилам и обычаям. Согласно последним, система наказания была такова: 1) замечания и выговор, 2) публичное порицание, 3) физическое наказание, но не свыше

25 ударов, 4) тюремное заключение, но не свыше десяти лет, хотя первоначально убийцам назначали и пожизненное. Смертной казни ни теоретически, ни фактически не существовало.

IV. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ПАРАГВАЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Перейдем к рассмотрению занятий и промыслов.

Рогатый скот был, как было сказано, предметом особого внимания коммунистических властей. Кроме скота, население могло пользоваться еще ослами, но ездить на лошадях простым жителям воспрещалось. Лошадью могли пользоваться только чиновники или молодые воины, которым вручался также надзор и за стадами. Боязнь восстания и побегов, повидимому, играла при этом известную роль.

Каждый работал на себя в поле не более трех дней — остальное время представляло собою сплошной субботник, посвященный государству.

Сельское хозяйство шло как на удовлетворение продовольственных нужд, так и для нужд экспорта.

Главнейшей пищей населения служил маис. Мансовые поля и поля хлопчатника были важнейшими предметами культуры. Новые растения, полевые и огородные, охотно культивировались. Сады и огороды славилась в окрестностях и уцелели и после распада иезуитского государства.

Весь урожай шел в общественные склады. Оттуда распределялось и выдавалось все продовольствие, для всех равное. Отсюда выдавалась и пряжа для тканей, в которой ежедневно вечером женщины давали отчет.

Хранитель кладовой выбирался из числа пожилых, наиболее надежных коммунистов-корректоров.

Несколько раз в году выдавалась мануфактура на платье из запасов собственного изделия. Платья имели простой

и скромный вид, но все же внешний вид коммунистов был лучше и опрятнее, чем у испанцев, ходивших часто в лохмотьях. Только по вопросу обуви отцы держались взгляда, что это совершенно излупинная роскошь.

Самое питание жителей находилось тоже под строгим наблюдением отцов. Туземцы Южной Америки были каннибалы. Индейцы питались всегда почти сырым дымящимся мясом, проведенным раз-другой через огонь, а вареное бросали собакам. При этом они могли съедать в любое время необычайное количество свежей убоины. Их надо было переделать в этом отношении. Отцы-иезуиты упорным трудом и выдержанной настойчивостью перевели свою паству с употребления мясной пищи преимущественно на пищу растительную. Хотя мясная пища давалась им в изобилии, но отпускаемое туземцам мясо отцы-иезуиты позволяли употреблять лишь жареным или вареным.

Поэтому, основывая свои округа и редукции, отцы-иезуиты всегда были крайне озабочены разведением скота. Так, устраивая миссию у более северного племени чиквитосов, патеры предварительно привели из-за Кордильеров небольшое стадо рогатого скота, которое затем заботливо размножили.

Зато в южных редукциях скот был в изобилии. В одном городке Уарейу насчитывалось около $1\frac{1}{2}$ миллиона голов скота, в Сен-Мигуэле (поселок в 7 тысяч жителей) рогатого скота было еще больше, здесь имелись также громадные стада овец, разводившихся ради шерсти. Некоторые редукции насчитывали стада в 30.000 голов овец.

Стада поручались заботам молодых патеров. Им в помощь давались вооруженные верховые индейцы, проходившие особое воинское обучение. Лихая и отважная молодежь должна была владеть оружием и копьем настолько в совершенстве, чтобы не пасовать перед испанцами соседних

территорий, природными наездниками и «гаучосами». Устраивались специальные кавалерийские школы и конские ристалища, чтобы высоко держать знамя южно-американского «гаучоса». Один из отступников иезуитского ордена писатель Ибанес (Ibanez) иронически замечает в своей книге о Парагвае, что иной папер лучше умел скакать сотни верст за потерявшейся короною, чем составлять проповеди.

«Христианнейшая республика», основанная иезуитами без всяких внешних препятствий для полного осуществления евангельских принципов, оказывается, при ближайшем рассмотрении, очень остроумною и прибыльною смесью крепостничества и рабства. Индейцы, как крепостные, должны были сами производить средства для своего пропитания и, как рабы, были лишены всякой собственности.

Материальное благополучие их оказывалось очень условным. Одежда была бедна и скудна. Дома строились из тростника, облепленного глиной, без окон и дымовой трубы. Очаг находился посреди пола, а дым выходил, как в русской курной избе, из щелей и дверей. Все сидели на полу и спали без постелей. Не было ни аптек, ни больниц, эпидемии же были часты и свирепы. А край был богат и трудолюбие значительно.

Ежедневно из стад на бойни поставлялось определенное число скота. С бойни мясо распределялось по семьям редукции. Ежедневно городок С.-Мигуэль расходовал 40 быков для своего пропитания; это составляло, считая средний вес животного только в 20 пудов, около 4½ ф. мяса на едока, что нельзя не считать чрезмерным.

Так же щедро выдавался чай. В этом положении было дело с солью, которую доставали с большим трудом. За центнер соли паперы тогда платили 16 талеров, а потому соль выдавали только по воскресеньям, в виде особой премии или награды.

Кроме сельского хозяйства, население в Парагвае было занято и промышленным трудом, ремеслами и индустрией.

На особом положении были ремесленные работы, развитию которых отцы-иезуиты придавали большое значение. Некоторые из ремесл были художественного типа, некоторые ставились на большую ногу, напоминая начатки будущих мануфактур.

Ремесленные мастерские находились вблизи квартир паперов, так как последние особенно часто инспектировали производство. В некоторых редукциях, где были вдовьи дома, процветали и женские рукоделия, некоторые виды рукоделий носили художественный характер.

Важнейшие ремесленники — кузнецы, столяры, портные, сапожники, ткачи и пр. — имелись в каждом поселке. Они бесплатно исполняли каждому все необходимые работы. Часовое ремесло, выделка инструментов и изделий из кож, производство статуэток и резных изделий, живописные работы и пр. производились в ряде мест с большим успехом. Каменные работы и постройки выгодно выделяли страну иезуитов в то время, когда соседние территории вынуждены были довольствоваться глинобитными хижинами. Вообще «государство иезуитов» в диких дебрях было единственным индустриальным государством Южной Америки, но, конечно, продавать свои промышленные изделия оно не могло.

В Мадриде на коммунизм и на занятия туземцев смотрели далеко не сочувственно и постоянно производили ревизии. Один из ревизоров, Дон Педро Наскардо, уверял короля, что «поселения достойных отцов являются христианскою республикою, где царствует самая возвышенная невинность и, быть-может, за целый год не совершается ни одного смертного греха». Миссионеры достигли таких результатов, упорно воспитывая дикарей, склонных ко всяким порокам.

Материально они бедны, но обеспечены на год, что важно при безработности и легкомыслии туземцев. «Все, что производят индейцы, — писал епископ Буэнос-Айресский, — обеспечивает им только ежедневное пропитание; пища состоит из мяса, риса и овощей. Одеваются они в грубые, простые ткани; излишек идет на постройку и содержание церквей».

Впрочем, в действительности было не так, ибо существовала еще и внешняя торговля. К ней и перейдем.

V. ТОРГОВЛЯ И ЭКСПОРТ

Торговля этой неторговой страны сводилась к экспорту сельскохозяйственного сырья; хлопчатник, кошениль, чай были главнейшими предметами оптовой торговли.

Само же коммунистическое государство нуждалось в поваренной соли, извести и металлах, особенно в железе. Все это можно было получить только путем внешней торговли. Но государство иезуитов было островом среди культуры иного типа. Оно было именно таким, каким должно быть всякое утопическое государство по методу Томаса Мора или Кампанеллы — изолированным: иначе его строй рушится. Получалась коллизия между политической, даже социально-политической необходимостью в изоляции, так сказать, в самоблокаде, и необходимостью во внешнем товарообмене, во внешней торговле. Понятно, что государство, нуждавшееся во многом, не желавшее оставаться на первобытной ступени развития, должно было иметь товарообмен с соседями, т. е. торговлю. Это-то и являлось самым уязвимым местом политики ордена. Наличие торговли представляла собою прямое нарушение канонического запрета, — это с одной стороны. С другой — торговля и де-

нежный оборот являлись как раз теми основными институтами, на которых покоилась вся система меркантилизма. Таким образом торговая деятельность в Парагвае была равносильна служению самому злободневному виду золотого тельца, т. е. измене своим идеалам.

Никому, конечно, не было дела, что коммунистическое государство только из внешней торговли могло извлечь необходимые ему денежные ресурсы, без чего не мог функционировать народнохозяйственный аппарат всей страны.

Денег внутри страны не было, их не чеканили и не печатали. Конечно, в личных кошельках патеров, а может-быть и в государственной казне было некоторое количество денежных знаков, как необходимая валюта для иноземного оборота, но официально в пределах парагвайского коммунистического государства деньги отсутствовали. При расчетах переносили со счета на счет без наличной уплаты.

Единственный раз деньги, как таковые, появлялись на официальной арене; это — при венчальном обряде. Свадебная церемония по старому обычаю требовала вручения женихом невесте металлической монеты. Перед венцом туземцу выдавались монеты; он их вручал своей суженой, а после венца деньги вновь возвращались церковнослужителю. Деньги, таким образом, являлись только аллегорией и притом довольно темною.

Безденежно служили и солдаты. Но коммунистическая армия была скорее типа милиции; об особой организации кавалерийской части уже было сказано. В этой армии поддерживался воинский дух, и она в силу военных упражнений, повидимому, представляла собою некоторую силу. В каждом селении или редукции был отряд пехоты и кавалерии. Вооружение — смешанное, туземное и огнестрельное. Главное управление миссий содержало еще наемный отряд

смелых абицонских наездников, славившихся храбростью и лошадьми.

Армия пезуитов вела несколько победоносных войн. В 1653 году она освободила столицу Парагвая Ассунсион. В 1667 и 1671 гг. освобождали Буэнос-Айрес, блокированный англичанами. Когда наместник Парагвая (Дон Хозе Антекверра) вступил с ними в войну, он был разбит двенадцатитысячным войском туземцев, руководимым пезуитами и европейскими офицерами. Часто случалось, что католики-туземцы пользовались военными действиями, чтобы навсегда уходить в леса и возвращаться к бродячей жизни.

VI. СЕМЬЯ И БРАК, ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ, НАУКА И ИСКУССТВО

Жители «Города Солида», как истинные коммунисты, не знают индивидуальной семьи и индивидуального брака. По идее Томазо Кампанеллы, все дети принадлежат обществу, а половые отношения регулируются государственной властью.

В Парагвайской организации — индивидуальный брак и моногамная семья сохранены, но бракосочетание — дело отцов-пезуитов. Не только в религиозном, но и в государственном смысле они регламентировали все, даже половые отношения. Все достигающие 14 лет девочки и 16 лет подростки-мальчики представляют собой материал для вывода здорового поколения. Вступление в брак позднее указанного возраста разрешается с большим трудом. Для заключения браков было установлено два срока в год не без непосредственного вмешательства ордена: «Правда, пезуиты постоянно утверждали, что браки совершались по взаимной склонности, и что существовало множество образцовых семейств. Однако к бракам туземцы относились с некоторым индифферентизмом, даже с некоторым презрением.

Поэтому, например, ночью раздавался звон колокола, который должен был напоминать супругам об их супружеских обязанностях»¹⁾.

Повидимому, молодежь редукций не во всем разделяла взгляды отцов-пезуитов. В литературе о Парагвае известен случай, — а возможно, что он был не единственный, — когда юноши и девушки одной из редукций восстали и ушли на долгое время в горы. Отсюда они похищали стада для убоя, и только с трудом отцам-пезуитам удалось убедить беглецов вернуться. Их брачные союзы, возникшие на свободе, были узаконены.

Воспитание детей начиналось очень рано. Образование сводилось к усвоению религии, к умению читать и писать на своем родном языке и для более способных — к начаткам латинского языка. Европейских языков, литературы и истории, обычаев и законов они не знали. Указу Филиппа V (1743 г.) об обучении туземцев испанскому языку пезуиты прямо сопротивлялись, спасая, по их мнению, свою паству от развращения соседями. Этот отпор пезуиты, повидимому, давали тем охотнее, что в числе их разноплеменного состава особенно мало было испанцев. Детей обучали до и после богослужения.

Вся книжность сводилась к нескольким книгам на туземном языке (гуарани), на котором имелись катехизис и рассказы из жизни святых. Книги при этом служили больше для надобностей самих отцов-пезуитов, чем туземного населения. Зато обращалось большое внимание на усвоение религиозных истин и на поведение.

Собственно вся жизнь парагвайского республиканца представляла собою одно непрерывное воспитание. Обуче-

¹⁾ Кирхгейм, А. «Вечная утопия». Рус. пер. Сиб. 1902 г. Стр. 31.

ние прекращалось с замужеством или женитьбой, но назидательное наставление и нравственное поучение не прекращалось до гроба. Центром высшего просвещения была редукция Кордова. Здесь находились «Кордовский университет» и типография.

Система воспитания и распорядок жизненного уклада не давали в Парагвае места для личной свободы. Индивидуум находился здесь в заранее строго определенных рамках, постоянно составляя необходимую часть целого, т. е. всего коммунистического государства. Личность отдельного человека рассматривалась только как часть всего коллектива. Жизнь и деятельность государства наполняла своим содержанием личную жизнь парагвайского гражданина. Он мог, как древний римский стоик, воскликнуть: *Salus populi suprema lex!*

VII. ОБЩИЙ ХОД ЖИЗНИ

Индейцы, говорит Поль Лафарг, были «точно кролики в парках» заперты в миссиях, окруженных рвом и частоколом в предупреждение побегов и сношений с внешним миром. У входных ворот — часовые, спрашивающие письменный пропуск. После определенного вечернего часа никто не мог ходить по улице. Патруль «из лиц, на которых можно положиться», каждые три часа проходил по всем улицам, чтобы никто не мог покинуть дома, не сообщив, что его побудило к этому и куда он идет.

Вспомните рассказы Купера или Густава Эмара, которыми каждый в юном возрасте зачитывался. В этих опозитированных, гордых и вольнолюбивых детях широких прерий много первобытной девственной прелести. Как ужасен для них такой режим! И все эти «Следопыты» и «Орлиные Глаза» превращались в кадры верных и зорких полицейских, в послушное орудие патеров, в карающую руку

за проступки и преступления, навешенные природою и волею.

Покаянная рубашка и поделуи руки да наказание — вот то величайшее извращение человеческой природы, которое приводило в умиление застывших гастролеров далекого края, как Фунес или Уллоа.

Церковные украшения, бесчисленные богослужения и участие в ряде братств имени разных святых — вот другое худшее стеснение, где умерщвление духа свирепствовало с еще большею методичностью. И вся эта незримая миру инквизиция протекала при улыбках благочестия и наставлениях о святости. На дне этой бойни индивидуального духа зияла черная пасть исповедальни. Вот где происходило умерщвление личности, вот где происходили бескровные пытки духовного застенка. Так насаждалась девственному народу высшая культура, тот земной рай, в который он вгонялся духовною дубиною п скорпионами бичующих наставлений.

Зато на другой чаше весов в противовес поруганной свободе личности лежали ордера на равенство и сытость, на сытое равенство и равенство в сытости.

Итак, в коммунистическом государстве Парагвая отсутствовала и индивидуальная свобода и свободная критика окружающих условий. Их заменили, как мы видели, строго установленный порядок, которому необходимо было беспрекословно повиноваться, и распоряжения отцов-иезуитов, являвшиеся высшим законом для жителей.

Отсутствие свободы при наличности принудительного труда приводило к тому, что туземец постепенно утратил право свободного передвижения. Для хозяйственного оборота в этом передвижении не было надобности. Ни отдельные лица, ни отдельные редукции ничем личным, частным не владели; отсюда не было необходимости

передвигаться по чисто-хозяйственным надобностям и причинам.

Вся жизнь от колыбели до могилы была строго распределена и планомерно размерена; скромная и спокойная жизнь, систематическая упорная и полезная работа создавали спокойное, сытое, более зажиточное в общей массе и предусмотренное заранее благополучное существование. Бедности, страданий от лишений и голода, зависти к первенству в Парагвае действительно не было. Весь коллектив в целом бесспорно благоденствовал. Эти положительные результаты смели дух вольности и создали в конце концов известную привязанность обезличенной и сытой паствы к своим руководителям. Впоследствии, после ряда поколений, часть туземцев по ликвидации иезуитского правления долго и нелицемерно о нем сожалела.

Но зато радости индивидуальной свободы и жгучие ощущения личного успеха и благосостояния здесь отсутствовали, как бы подчеркивая еще раз непримиримость вековой проблемы: индивидуум и коллектив. Даже наиболее пламенный защитник иезуитов Фунес признается, что в миссиях не было достаточно свободы, но утешается тем, чем утешаются тираны всех времен и народов: «еще не настало время дать народу свободу».

Такова краткая история Парагвайского коммунистического эксперимента.

Глава II

КОНЕЦ ПАРАГВАЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

I

Парагвайский эксперимент был очень поучителен и в общих своих чертах и в деталях. С внешней стороны можно думать, что отцы-иезуиты, приняв определенное решение социальной проблемы, так же остановились перед теми же вековыми вопросами, как и мы, и так же стремились к их посильному разрешению. Но сравнение таких двух эпох, как парагвайская и современная — невозможно.

Во-первых, между тридцатыми и сороковыми годами XVI века и двадцатыми годами XX прошли три больших столетия. Развились крупная капиталистическая промышленность, мировой рынок и его сложные экономические отношения между буржуазией и пролетариатом.

Во-вторых, никаких исторических социально-экономических предпосылок для парагвайского эксперимента не было. Коммунизм в Парагвае не был следствием революционного изменения хозяйственного строя. Здесь не было исторического процесса, не было пролетариата.

К тому же конец Парагвая близился. Иезуиты отступили от заветов ордена, монашеского и аполитичного.

Парагвайское государство сформировалось в эпоху наибольшего внешнего успеха ордена иезуитов, история расцвета которого оканчивается в середине XVIII века. Неповиновение папе в отдельных странах, обогащение миссий и раздоры с другими орденами вызвали враждебное отношение к ордену как в Риме, так и в других государствах, что, в конце концов, привело к падению ордена.

Первым предвестником гонения являлось нападение Рима на колониальную торговлю ордена. А именно, в 1743 году папа Бенедикт XV издал особую буллу, направленную против торговли иезуитов, как деяния, совершенно противоречащего духу канонических установлений.

В Южной Америке были также и свои социальные причины политического кризиса. В 1750 году, в силу договора между Испанией и Португалией, та часть Парагвая, где находились и редукции иезуитов, должна была перейти к Португалии. Иезуиты и туземцы частью выселились из Парагвая, при чем большинство туземцев-переселенцев при этом просто разбежалось и выселилось, частью просто воспротивились вооруженною силою. Произошли столкновения. В итоге последовало суровое судебное расследование. Дни парагвайской самостоятельности были сочтены...

Следствие еще не закончилось, как в 1758 году произошло покушение на португальского короля Иосифа I. Министр Карвало, маркиз де-Помбаль, обвинил в участии в заговоре иезуитов, которые вследствие этого и в силу специально изданного эдикта (3 сентября 1759 года) были изгнаны из Португалии. Это произошло в 1768 году. Так был подсечен в корне питательный ствол иезуитского ордена. Колония лишилась органической связи с метрополиєю. В итоге «дела» парагвайские миссионеры были арестованы и привезены в Италию, в Папскую область, а 3 августа все вообще иезуиты были навсегда изгнаны из Португалии.

Парагвайское государство иезуитов прекратило тем самым свое официальное существование. Так неожиданно окончилась их история.

Вскоре, в 1764 году, иезуиты были изгнаны из Франции, а еще три года спустя из Испании. В 1773 году бреве папы Климента XIV (под названием *Dominus et Redemptor noster*) объявил орден уничтоженным; хотя он существовал ряд лет в некоторых странах, но уже не мог настолько оправиться, чтобы вернуть себе власть в Южной Америке. Отцы-иезуиты туда уже больше не вернулись. Их дело, как мы видели, насильственно оборвалось внешним вмешательством.

Насильственно обезглавленный организм еще некоторое короткое время существовал. Население пыталось заступиться за своих патеров, и некоторое время государство, как связанное целое, еще существовало. Но это государство уже было трупом, нежизнеспособным и бездеятельным. Государственный механизм без управления остановился и распался. Население начало еще быстрее и энергичнее разбегаться.

II

Отцы-иезуиты, вводя в своей республике коммунистическое хозяйство, не следовали никакому определенному учению или плану, да и не могли ему следовать, так как вообще сочинения или письменного практического изображения коммунистического идеала в их эпоху еще не существовало. Их государство не являлось и попыткой осуществить какую-либо из социальных утопий — Платона, Мора или Кампанеллы — на практике, хотя некоторые впоследствии несправедливо изобличали их в заимствовании идей из «Государства Солнца». Коммунизм у опекаемых туземцев складывался сам собою под влиянием рели-

гиозных соображений — с одной стороны и условий создаваемого государства — с другой. Религиозные соображения покоились на христианской догматике, а социально-экономические условия диктовали необходимость введения определений, имущественного равенства и централизации хозяйственного управления. Все это больше всего соответствовала система потребительного коммунизма, который не трудно было ввести у диких племен.

Интересно, что иезуиты во всех миссиях Южной Америки приходили к необходимости организовывать именно коммунистические организации. Управление жизнью общины извне стояло властью естественно приводило к коллективному строю и хозяйству. Стремление дать имущественное обеспечение и равенство членам общины также приводило к той же системе. Наконец, она была в духе монашеских орденов и первых веков христианства, а потому поддерживалась и религиозными идеалами.

Вообще вся организация коммунизма в Парагвайской республике носила на себе печать католического монашеского ордена. Уставы Бенедикта Нурсийского или ордена Лойолы содержат правила, аналогичные с правилами Мадцеты и Каталидино: то же отсутствие личной собственности, личной инициативы, непрерывное богослужение, та же система отношений и наказаний, тот же образ жизни и порядок житейского уклада.

III. ПАРАГВАЙСКИЙ СТРОЙ ПРИ СВЕТЕ СОВРЕМЕННОГО КОММУНИЗМА

Великая мировая война, как результат империализма и разгрома буржуазного строя, естественно усилила развитие социализма и дала возможность первого в мире осуществления в государственном масштабе коммунизма. В основе

последнего лежит организация планомерности всего народного хозяйства, бывшего в руках буржуазии стихийным и неорганизованным. Пролетарский строй строится вместо «порядка», при котором господствуют эксплуататоры, водворить интересы эксплуатировавшейся ранее широкой массы трудящихся. Поэтому коммунизм Советской России служит показателем пути, по которому неизбежно должен идти мировой пролетариат. Здесь с громадными усилиями осуществляются первые зачатки той великой хозяйственной системы, которая, в конце концов, неизбежно разовьется во всем мире. Спрашивается, не является ли Парагвайское государство первым этапом по пути осуществления великой цели?

Между коммунизмом Парагвая XVII века и современным коммунизмом России, вводимым как результат пролетарской диктатуры, лежит глубочайшая пропасть. Парагвайский коммунизм — коммунизм мнимый, чисто внешний. Это даже не утопический коммунизм — с ним у него нет никакой связи. В Парагвае мы видим только введение внешних форм общей монашеской жизни, но без ее суровой хозяйственной принципиальности и той идеологии, которая объединяла верующих для жизненного подвига. В Парагвае отсутствует какая бы то ни была идеология, сознательная и усвоенная массой. Вообще бывшая идеология утопического социализма рекомендовала или мирный путь убеждения и пропаганды, или медленный путь перевоспитания в новых принципах, как возможный в любой исторической обстановке.

Современная коммунистическая идеология — результат исторического процесса и покоится на учении о классовой структуре общества и классовой борьбе. Пролетариат, свергая буржуазию, немедленно и насильственно, смело и революционно, осуществляет новый строй, основанный на антитезе существующему. Основами современного ком-

мунизма являются: отмена частной собственности на землю и орудия производства, обобществление орудий производства и ведение хозяйства по принципам централизации и планомерности, т. е. коллективизма.

Сознание наличности и важности мирового рынка и мировой международной связи народов, т. е. невозможности создать только в одной из европейских стран коммунистическое хозяйство при общей мировой системе индивидуализма, приводит к признанию, что необходима одновременная социальная революция во всем буржуазном мире.

Вторая отличительная черта современности — проведение социальной революции силами самого населения, т. е. изнутри населения, наибольшим по численности классом — трудящимися, при помощи захвата ими политической власти.

Наконец, третья отличительная черта — коммунизм не исходный пункт, не первый этап социального развития, а заключительный финал, итог назревшего процесса, в котором он завершает разрушение старого мира и приходит ему на смену.

Не обширные исторические волны поочередной смены преимущественно индивидуалистической или преимущественно коллективистической эпохи, гармонических и антигармонических эпох, как фантазировал великий утопист Фурье, а погребение старого буржуазного индивидуализма навсегда под сенью растущего и крепнущего коллективизма — вот итог социалистического движения.

Таким образом перед нами в Парагвае не зародыш сложной социально-исторической проблемы, той великой проблемы момента, в который мы живем, а нечто только внешне напоминающее давно минувший монашеский строй, но даже без его значительного внутреннего содержания.

К тому же коммунизм современности не покоится на религии и деспотизме чуждого мировоззрения. Он представляет собой необходимый результат всего исторического развития буржуазного строя, результат усилий и борьбы всего рабочего класса. Коммунистический строй современности, имея иной смысл и иное содержание, организуется иным способом и на основе иных причин, чем наивный «парагвайский» эксперимент отцов-иезуитов. Между парагвайским «опытом» и современной мировой проблемой — социологическое и философское расстояние, не поддающееся сравнению. Это несоизмеримые величины.

Ныне вопросы коммунизма приобретают первостепенное мировое значение; коммунизм нашего времени — целое, целостное и научное мировоззрение, плод борьбы и завоеваний мирового пролетариата.

Как далека от него судьба кучки фанатичных и ревностных сынов Лойолы на заре американской истории в далеких девственных прериях Южной Америки!.. Пусть их энергия и ошибки вызывают в XX веке проницательную улыбку; пусть, действительно, они только обогащали свой орден, но ведь эти заброшенные в прерии фанатики католицизма, отрешаясь от личной жизни и личного счастья, конечно, все же пытались по-своему решать великую социальную проблему европейской культуры. Ведь они пламенно желали земного рая, не щадя ни себя, ни других, наивно думая, что насильственно-вводимый внешний коммунизм в соединении с религией — тоже путь для переустройства общества.

Кто откажет им в самоотречении и мужестве, в героическом дерзновении и беспримерной стойкости?

Между тем история учит, что только материальные условия, условия производства создают объективные условия для создания обстановки, помогающей пересозданию обще-

ства. Их нaлндо в той обстановке и в той эпохе совершенно не было.

В Парагвайском эксперименте было бы ошибочным искать намека на идеалы современного революционного пролетариата. Он был, по сути, искажением самой идеи и смысла коммунизма.

Без корней в прошлом и в реальных условиях этот вид «коммунизма» не мог существовать. Он так же неожиданно возник, как и погиб, сойдя со сцены мировой истории.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стран.	
Введение: I	7	
II. Испанская колония Парагвай	8	
III. Парагвай и Кампанелла	11	
IV. Литературные источники о Парагвае	14	
Глава I. История и устройство Парагвайского го- сударства.		
I. Гуарани и конквиста эспиритуаль	20	
II. Рассказ о. Сеппа (1691)	24	
III. Порядок жизни и устройство редукций	27	
IV. Хозяйственная жизнь Парагвайского государства	36	
V. Торговля и экспорт	40	
VI. Семья и брак, воспитание и обучение, наука и искусство	42	
VII. Общий ход жизни	44	
Глава II. Конец Парагвайского государства		47
Парагвайский строй при свете современного коммунизма		50